

В. А. Макаров*

Япония на страницах отечественной интеллектуальной прессы 1894–1905 гг.: Запад или Восток?

В конце XIX века образ «Востока» в целом в сознании европейца или, говоря шире, человека западной культуры вполне устоялся. Его составными элементами были отсталость, консерватизм и неподвижность. Те же признаки были характерны для образа ведущей страны и культуры на Дальнем Востоке – Цинского Китая. Сформировавшиеся в ходе беспрецедентной колониальной экспансии XIX века убеждения в превосходстве «Западной» культуры над «Незападными» привели к тому, что «цивилизацию» стали видеть привилегией «европейца», а «азиатов» – считать неспособными к созданию, как бы сейчас сказали, «современного общества».

Вплоть до конца XIX века напряженные реформационные усилия Японии, предпринятые после открытия страны в 1854 г. и особенно после Реставрации Мейдзи 1868 г., оставались мало заметными для широкого круга западной образованной публики. Ситуация драматически изменилась в 1894–1895 гг. с началом Китайско-Японской войны за Корею, когда, неожиданно для европейских наблюдателей, Китай оказался разгромлен. С 1890-х гг. «лицом» региона Дальнего Востока в глазах образованной публики Запада становится не Китай, а Япония [1; 54]. Загадка успеха и стремительного прогресса Японии в полный рост встала перед образованной публикой всего мира, грозя изменить традиционные стереотипы в отношении «Востока». Для России этот вопрос был более чем академическим. С конца XIX века Дальний Восток стал ареной активной российской экспансии, десятки миллионов рублей были вложены в строительство КВЖД, Порт-Артура и Дальнего. Корректное осмысление произошедшей с Японией метаморфозы было бы важным условием для успеха российской политики на Дальнем Востоке. Проблема Японии привлекла повышенное внимание в российской печати – в первую очередь в изданиях, предназначенных для образованной публики, способной всесторонне

* *Виктор Александрович Макаров* – к. и. н., ст. научный сотрудник Российской Национальной библиотеки (г. Санкт-Петербург).

осмыслять новую ситуацию на Дальнем Востоке, закладывая фундамент для переоценки образа Японии в широких слоях российского общества.

В этой статье мы изучим образ Японии, сформировавшийся на страницах флагмана либеральной российской печати – журнала «Вестник Европы». Период, за которой мы будем анализировать публикации, – десятилетие 1894–1905 гг. За это время Япония прошла в глазах российской публики путь от экзотической и загадочной окраины Азии до неожиданного противника в Русско-Японской войне и затем – до победителя одной из ведущих военных держав Западной культуры, нанесшего России череду сокрушительных для ее престижа поражений.

Центром внимания в этой статье станут следующие вопросы:

- Какие черты «Запада» и «западной цивилизации» видели в реформированной Японии? Каким было соотношение в облике Японии черт «Запада» и «Востока»?

- Какова была моральная оценка реформированной Японии?

- Какие реформы видели ключевыми для развития и усиления Японии?

Пожалуй, основополагающим впечатлением при встрече с Японией иностранцев была инаковость этой страны, где привычные им европейские черты причудливо сочетались с «азиатскими». Например, побывавший в Японии российский путешественник Ф. Кнорринг, чьи заметки были опубликованы в журнале «Вестник Европы» в начале 1904 г., акцентировал в своих записках, прежде всего, несоответствие Японии европейским культурным нормам, которое толковал как «аморальность». Как признаки «аморальности» Японии он упоминал и общие бани, и то, что в ограде одного из храмов, который он осматривал, расположились несколько чайных домиков и фонтан, в котором купались японки; в ту же категорию попали минималистичные костюмы сельских жителей [6; 555–556]. Посещение упомянутого выше храма, дало ему повод говорить о том, что японцы обращаются со своими богами бесцеремонно, без привычного в западной культуре почтения. Он трактовал это как безверие [6; 561].

Постоянный обозреватель «Вестника Европы» по международным, экономическим и общественно политическим вопросам Л. З. Слонимский делал далеко идущие культурные обобщения, спекулируя на «чуждости» культурной традиции Японии: «принцип уважения к человеческой личности совершенно чужд народам монгольской расы» [8; 310]. Даже в серьезном обозрении истории Японии, появившемся в конце 1894 г. и призванном восполнить недостаток знаний российской образованной публики о Стране Восходящего Солнца, подразумевалась культурная примитивность тра-

диционной Японии, упоминалась «голая пустота» синто [9; 237]. При описании истории страны до эпохи Мейдзи неоднократно подчеркивались дикость и жестокость древних японцев [9; 254].

Усиление роли и значения Японии на международной арене осознавалось российской публикой постепенно. В 1895 г. на страницах «Вестника Европы» еще отмечалось, что «нельзя прямо прилагать Западно-европейскую мерку к явлениям и условиям жизни современной Японии» [4; 414]. Однако в 1904 г. Слонимский уже признавал: «включение Японии в число равноправных цивилизованных держав есть исторический факт, с которым спорить бесполезно» [7; 765]. Последнее признание очень важно. Постоянный автор ведущего либерального издания видел в Японии страну, достигшую той же степени европейской культуры (а не только военной или промышленной мощи), что и другие «цивилизованные нации», и призывал своих читателей разделить эту точку зрения.

Секрет стремительного успеха Японии вызывал явный интерес в образованном обществе России. Л. З. Слонимский подчеркнул важность поражений японцев от западных стран для начала реформирования [7; 763]. Список реформ эры Мейдзи в его изложении выглядит так: реформы в области законодательства; реформы военной организации; «прочные судебные и административные порядки»; создание школ; создание фабрик; строительство железных дорог; появление прессы «с сотнями тысяч читателей» [7; 764]. Отдельно он выделил учреждение Парламента.

Создание японского Парламента являлось одним из аспектов реформ Мейдзи, особенно заинтересовавшим российскую образованную публику. «Неудобство его органов власти перевешивалось важностью выгод для государства и... микадо» [7; 765] – замечал Слонимский, вероятно адресуясь к консервативной части читателей.

В «Вестнике Европы» проводились явные параллели реформаторского движения Мейдзи с современными ему Великими реформами в России. При этом внимание акцентировалось на том, что «японское правительство не остановилось на полдороге и не обратилось вспять при первой вспышке оппозиционного духа в населении. Они сознательно и твердо шли вперед, не смущаясь временными недоразумениями и противоречиями – так как дело шло о будущем Японии, а не об интересах и чувствах того или иного общественного класса». В итоге «в сравнительно короткий период были достигнуты поразительные результаты» [2; 380].

Отметим, что на страницах «Вестника Европы» отнюдь не идеализировалась обстановка в реформировавшейся Японии, напротив, подчеркивались «непримиримые разногласия между правительством и общественным мнением страны» по многим вопросам; мощное движение в Парламенте против правящей олигархии и постоянные кризисные ситуации внутри страны.

Русско-японская война первоначально не вызывала переоценки Японии, но затем по мере все новых и новых успехов японского оружия заставила российскую образованную публику понять истинное положение дел. «Война раскрыла перед нами неожиданное для всего мира военно-культурное могущество Японии». Япония «внезапно проявила себя первоклассной, отлично организованной державой, располагающей превосходным флотом и образцовой, необыкновенно сильной сухопутной армией» [5; 365], – отмечал Слонимский в номере «Вестника Европы» за сентябрь 1904.

Постепенно российским либералам становилось ясно, что победы Японии – признак большей эффективности ее системы. В феврале 1905 г., после сдачи Порт-Артура, на страницах журнала признавалось: «японцы побеждают нас в правильном единоборстве не потому, что японцы сильнее и даровитее русских, а только потому, что японцы свободнее живут и развиваются в своей стране, что они усвоили лучшие политические и административные порядки, что они более сознательно относятся к своим национальным задачам... что они не страдают от хищений и произвола, что они чувствуют себя гражданами, имеющими право голоса в делах своего отечества» [3; 838–839]. Таким образом, эффективность Японии прямо связывалась с существованием в стране Парламента.

Итак, несколько выводов.

«Цивилизованные» обычаи Японии могли маркироваться позитивно или негативно, в зависимости от отношения автора к Японии и японцам. Традиционные элементы ее жизни и, часто, культуры расценивались всеми авторами негативно, как «нецивилизованные», вызывали непонимание, а порой – отторжение и презрение. Часто причудливое сочетание «запада» и «востока» в Стране Восходящего Солнца было поводом для имплицитных, а то и явных насмешек.

Азиатская природа Японии в такой степени не вызывала сомнения у либеральных авторов, что даже ее неоспоримые успехи, в том числе в войне с Россией – ведущей европейской державой, – не давали в их глазах «Западного» статуса Японии. Она была азиатской страной. На этом постулате строились и похвалы ей, и фобии, возникавшие из-за ее ожидаемого лидерства над «желтой расой». Во всех материалах о Японии подразумевалось, что она должна идти по пути к «Западу», но нигде не говорилось о том, что должна сохранять собственные особенности. Вероятно, российская образованная публика в тот момент не могла принять «особые» черты неевропейской страны по пути к Западу, полагая, что она должно быть «калькой» Европы.

Реформы, сделавшую традиционную Японию динамичной и сильной страной, привлекали большое внимание на страницах «Вестника Европы». Однако из всего спектра реформ Мейдзи, под-

робному рассмотрению подверглись только путь к учреждению Парламента и перипетии и волнения, связанные с отменой дворянских привилегий. Несколькоими авторами отмечалось, что, несмотря на всесторонние реформы, японцам удалось сохранить в неприкосновенности свою национальную идентичность.

В «Вестнике Европы» успех японских реформ использовался для критики российского бюрократического консерватизма. При этом либеральные авторы, очевидно, не планировали использовать опыт Японии как практический пример для подражания, а использовали рассказ об успехах Страны Восходящего Солнца как иллюстрацию для подтверждения постулатов либеральной доктрины. Позитивное воздействие на Японию западных реформ не вызывало ни малейшего сомнения в «Вестнике Европы». Негативные черты реформирования воспринимались как закономерная плата за прогресс и успех.

Литература

1. McKenzie John M. Propaganda and Empire the Manipulation of British Public Opinion 1880–1960. – Manchester, 1985.
2. Иностранное обозрение / Хроника // Вестник Европы. – 1904. – № 1. – С. 378–390.
3. Иностранное обозрение / Хроника // Вестник Европы. – 1905. – № 2. – С. 834–849.
4. Иностранное обозрение / Хроника // Вестник Европы. – 1895. – № 5. – С. 410–423.
5. Иностранное обозрение / Хроника // Вестник Европы. – 1904. – № 9. – С. 345–358.
6. Кнорринг Ф. Из Америки в Японию // Вестник Европы. – 1904. – № 2. – С. 551–569.
7. Слонимский Л. З. «Желтая опасность» : очерк // Вестник Европы. – 1904. – № 4. – С. 762–776.
8. Слонимский Л. З. «Желтая опасность» : очерк // Вестник Европы. – 1904. – № 5. – С. 305–321.
9. Червков В. Из новейшей истории Японии, 1854–1894 // Вестник Европы. – 1894. – № 11. – С. 227–272.